

Р а с ц в е т

Впервые мы встретились с ней на высоком каменистом перевале по пути к дальнему таежному руднику Пихтачи. Она ехала в длинной, растянувшейся по горной тропке кавалькаде. Сзади шли вычурные коши с театральным реквизитом.

Увидеть в Хакасии женщину верхом удивительно. Здесь все на коне, все в седле: агрономы, агитаторы, партийные и комсомольские работники, участники культбригад, выступающие в горах, в степи, в тайге.

— Дорога знакомая, — сказала Клавдия Семеновна, придерживая в руке ременный поводок. — Едем в Пихтачи с четвертым спектаклем.

Вечером в рудничном поселке царило праздничное оживление. Никаких афиш на улицах не расклеивали, но все уже знали о приезде артистов, о новом спектакле Хакасского областного национального театра. Рудокопы, их жены, дети заполнили поселковый клуб. Время было поднимать занавес, но спектакль не начинался, — ждали еще рабочих с Таежной заимки. Прискакавший оттуда гонец передал артистам записку: жители Таежной просили без них не начинать.

Театр приехал в Пихтачи с новым спектаклем «Акун», поставленным по пьесе молодого хакасского драматурга Михаила Кокова. О содержании пьесы лишь немногие слышали по радио. Но как только появилась на сцене строгая, волевая, озабоченная Анна, зрители сразу узнали в главной героине талантливую артистку Клавдию Семеновну Кильчичакову.

Рудник Пихтачи, заброшенный в суровые, дикие горы, — не единственное место, где побывала со своими творческими отчетами популярная хакасская актриса Кильчичакова. Ее хорошо знают лесорубы Сонской тайги, таежные промысловики-охотники, угольщики Кызыха, Черногорска, старатели Кузнецкого Ала-Тау, табунщики и пастухи привольных хакасских степей.

— Иногда, чтобы показать новую постановку, — говорит Клавдия Семеновна, — мы садимся на самолет и улетаем далеко в горы. А бывает и так: по несколько дней верхом пробираться до какого-нибудь отдаленного селения или рудника.

Случалось, придет театр в глухой таежный поселок или в небольшой степной улус, а клубная сцена — только двинувшись. И зрители наспех сколачивают подмости, рампу; развешивают декорации, кулисы, наспех ставят скамьи. Тем временем артисты знакомятся с производственной жизнью рудника, осматривают колхозные поля, сады, плантации, беседуют с мастерами высоких урожаев. А часто они — и агитаторы: выступают до поднятия занавеса с беседами, лекциями, докладами о развитии советского театрального искусства, литературы, рассказывают о творческих планах своего театра. Иногда же после спектакля артисты подолгу засиживаются в рудничном или сельском клубе, помогая культработникам выпустить свежий номер стенгазеты.

— Традиционные летние поездки по родным степям, горам и тайге надо рассматривать не только как отчеты всего театрального коллектива перед народом, — про-

должает Клавдия Семеновна. — Они дают нам хорошую творческую зарядку на весь год, обогащая всех нас той великой правдой жизни, которую видишь в непосредственном общении со зрителем, в его быту, на производстве.

Быть может, вечное стремление артистки к общению с народом объясняется тем, что и сама она вышла из народа. Ее жизненный путь — это путь волевого человека, сумевшего пронести свою любовь к искусству сквозь многие невзгоды судьбы.

Трехлетним ребенком, лишившись матери, Кильчичакова осталась на руках отца — охотника. Подростком пасла она соседских овец, нянчила детей, полола гряды.

Первую книжку девочка получила из рук учительницы Торосовой. Это было уже в советские времена. Потом — начальная школа, торговый техникум в Ачинске. И, наконец, — сцена, крохотная сцена клуба.

— С того дня и началось это неудержимое влечение... — вспоминает Клавдия Семеновна.

Она выступала в водевилях, драмах, комедиях, в самых простых выходных ролях — только бы играть, только бы быть на сцене! Ее яркое природное дарование привлекло внимание опытных театралов, она уехала учиться в Ленинградский театральный институт.

Хакассия ждала ее, ждала с тем нетерпением, какое может быть только у зрителей, захваченных игрой полюбившейся им актрисы.

И вот сибирский зритель снова видит Кильчичакову, но уже на сцене Хакасского областного национального театра. Видит в «Русских людях» Симонова, в «Нашествии» Леонова, в «Калиновой роще» Корнейчука, в пьесе «За вторым фронтом» Собко, в «Девичах-красавицах» Симуклова. Все более значительное место начинают занимать в репертуаре артистки пьесы молодых хакасских драматургов: «Акун» Кокова, «Веходы» Кильчичакова, «В степи» Топанова и Черенцова, «Птица счастья» Кычакова.

И каждый раз, приступая к работе над новой ролью, Клавдия Семеновна читает массу книг, помогающих «войти» в создаваемый ею образ. На помощь ей приходят библиографы областной библиотеки, краеведы, историки, этнографы, фольклористы Хакасского института языка, литературы и истории. Альбомы национальной одежды, записи народных песен, личные впечатления от гастрольных поездок по Хакасии дополняют то, что почерпнуто артисткой в книге, в беседе с ученым. Огромный труд затрачивается на отделку каждой интонации, каждого жеста, каждой незначительной детали образа.

В минуты упорной работы, глубоких творческих поисков артистка обращается к бессмертным творениям В. И. Ленина, И. В. Сталина, к их гениальным высказываниям об искусстве и черпает в них новые силы, находит в них неиссякаемый источник творческого вдохновения.

«И как только хватает ей суток!» — удивляются друзья Кильчичаковой, зная, что не одной лишь сцене служит артистка.

— Самая главная роль у меня не на сцене, — говорит Клавдия Семеновна. — Главная роль моя — в жизни, потому что народ наш избрал меня своим слугой.

Она — депутат областного Совета депутатов трудящихся, и часто после выездного спектакля можно видеть Кильчичакову в тесном кругу хлеборобов, лесорубов, охотников: депутат-артистка принимает избирателей-зрителей.

А за обязанностями депутата начинаются обязанности профсоюзной общественницы, руководительницы нескольких городских кружков художественной самодеятельности, консультанта методического кабинета областного культпросветотдела. Отрываясь от множества дел «по ту сторону рампы», Клавдия Семеновна возвращается на сцену. Новый спектакль... Новая роль... Ах, да, вот еще что: надо составить программу концертного выступления! Маяковский, Пушкин, Лермонтов... Кто из хакассков не слышал их в исполнении Кильчичаковой! «Быть может, обновить репертуар?» — мелькает мысль, и тут же — ответная: «Понесем в народ народное творчество!».

У хакассков немало ярких, красивых сказаний, легенд, веселых, остроумных сказок. Вот одно из сказаний — «Албынжи». Какая гамма красок в этом поэтическом произведении! Новое творческое увлечение, новые бессонные часы ночей за разучиванием «Албынжи». И через несколько дней где-то далеко-далеко в тайге, на заимке, притихшие лесорубы внимают голосу своей любимой артистки — голосу героя народного эпоса, созвучному нашему великому времени.

А за таежной заимкой расстилаются хакассские степи, и снова видят артистку Кильчичакову скачущей верхом навстречу жизни, навстречу зрителю, что с нетерпением ждет ее у старых овец и на стойбище табунщика.

В последний раз мы встретились с Клавдией Семеновной на переполненном пассажирском катере, быстро скользящем по голубой глади Енисея. Кильчичакова ехала с небольшой группой молодых артисток в город Минусинск. Коллектив Минусинского колхозного театра только что вернулся из продолжительной поездки по степному Присяжью. Нужно было познакомиться со знакомыми театраллами, послушать рассказы о встречах со зрителем, разведать о новых творческих замыслах.

Сияло низкое осеннее солнце. Кильчичакова зорко всматривалась в гористые берега великой сибирской реки. Еще недавно на них можно было заметить только одинокое жилище бакенщика. Сегодня в глубоких распадках поднимались трехлапые вышки бурильных станков, дымилли трубы заводов, виднелись каменоломни, карьеры, рудники...

— Сколько нетронутых тем, сколько еще не воспетых людей на нашей прекрасной земле, — тихо сказала Клавдия Семеновна.

А катер наш плыл все дальше, открывая нам за каждым поворотом реки новые темы и новых людей.

Федор МАЛОВ.

ХАКАССИЯ.